ПОЭТОГРАД

№ 20 (225)
Май
2016

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Поэзия Александра Поповского и Евгения Морозова

Евгений Степанов о творчестве Полины Склядневой

Проза Альберта Бабаева

Александр Карпенко о военной лирике Михаила Юдовского

Выдающийся поэт России Илья Кормильцев

Заметки Александра Павлова о книге стихов Сергея Шестакова «Другие ландшафты»

Журнал «Дети Ра»

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ (1959-2007)
Я ХОЧУ БЫТЬ С ТОБОЙ

я пытался уйти от любви
я брал острую бритву и правил себя
я укрылся в подвале я резал
кожаные ремни, стянувшие слабую грудь
я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком
с правом на надежду
в комнате с видом на огни
с верою в любовь

твое имя давно стало другим
глаза навсегда потеряли свой цвет
пьяный врач мне сказал, тебя больше нет
пожарный выдал мне справку, что дом твой сгорел
но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой

я ломал стекло как шоколад в руке
я резал эти пальцы за то что они
не могут прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить
того что у них нет тебя и они могут жить

но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком
с правом на надежду
в комнате с видом на огни
с верою в любовь

НАСЛЕДИЕ ПОЭТОГРАДА

КОРМИЛЬЦЕВ. ТЕКСТЫ

Уральская медиа-лаборатория S.G.T.R.K совместно с радиостанцией «Наше Радио» и компанией АРТФЕСТ запускает проект «Иллюминатор», посвященный памяти поэта, переводчика, литератора, автора текстов песен групп «Наутилус Помпилиус», «Настя» и «Урфин Джюс» Ильи Кормильцева.

В рамках проекта планируется записать сборник песен на стихи Кормильцева, а также выпустить собрание сочинений автора. В издание с рабочим названием «Кормильцев. Тексты» войдут все стихи поэта, а также тексты песен, рассказы, пьесы, публицистика и философские работы Ильи Кормильцева.

Организаторы проекта запустили на краудфандинговой платформе «Планета» компанию по сбору средств. Всего планируется собрать ни много ни мало 2 миллиона рублей до 21 июля 2016 года. Однако помочь можно не только материально. Всех, кто располагает какими-либо материалами, которые могут предоставить интерес для издания (рукописи, редкие фотографии, тексты), просят обращаться к организаторам по электронному адресу illuminator@sgtrk.com.

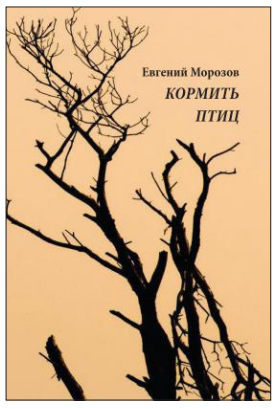
На лето намечена работа с текстами и артефактами, верстка и предпечатная подготовка. Напечатать тираж планируется ко дню рождения Ильи Кормильцева (26 сентября).

(По материалам сайта http://www.bigbook.ru/litnews/detail.php?ID=25755)

ПЬЕДЕСТАЛ

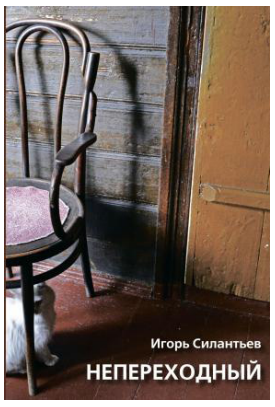
ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



Евгений Морозов
«Кормить птиц»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016

Леонид Корниенко
«Окна целятся в ночь перекрестием рам»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016



Игорь Силантьев
«Непереходный»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлабо-тонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

АЛЕКСАНДР ПОПОВСКИЙ
ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

* * *

Поспел паслен. В глазах черным-черно.
Попахивает в воздухе грозою.
От сквозняков склады «Заготзерно»
Отгородились лесополосою.
Мещанством веет. Злой, как черт, завсклад
Слюной исходит: и ежу понятно,
В том, что случится – он не виноват,
Ведь ход вещей не повернуть обратно.

Грохочет гром, и дождь стоит стеной.
Рисует молния замысловато знаки.
В разгаре – повсеместный выходной:
На небесах не заключают браки,
А на земле столбом табачный дым –
Готовы сваты дружно лезть из кожи,
Но дядя Ваня будет холостым
До наступленья первых дней погожих.

* * *

Камень расщепляла тишина.
Жухла бессловесная бумага.
Тихо превращался в молчуна.
Что сказать, быть может, это благо.

В пустоту тянул пучки тире,
Чтоб где надо зажигались точки.
Как слепых котят, топил в ведре
К горлу подступавшие комочки.

Покрывалась ржавчиной строка,
Вымерзала на ветру холодном.
Шел полунамек издалека –
Смаковать «Боржоми» слишком поздно.

* * *

Чужеродными делами и мыслями оброс – прости
Меня, Господи, за это! Может, еще не все потеряно,
Может, последним мгновением, песчинкой в горсти
Оправдаю твои надежды. Пожил немерено.

И вроде как страха нет, что покину
Мир, который ты создал и в котором
Все были при деле: кто припеваючи плел корзину,
Кто Храм возводил за железобетонным забором,
Кто допоздна из последних сил укладывал поленья.
Я брался за все, слушая твои наставленья.

* * *

Разрывает шаблоны безрадостный вывод,
Ощущенье, что смысл безвозвратно утрачен:
В лету канул цветочно-букетный период,
И подкорка слезами горючими плачет.

Я с раскладом таким не смирюсь ни в какую.
На алтарь положу все не дюжие силы.
Поджимая хвосты, побегут врассыпную,
Словно гончие псы, дворовые задиры.

* * *

Была вода – как молоко парное,
А берега – песочное печение.
И стрекоза на крошечном каноэ
Плыла себе тихонько по течению.

Сражая наповал трудом ударным,
Жужжали мирно пчелы мироздания.
Как под прилавком, под замком амбарным
Прохлада стыла в зале ожидания.

Зеваки всех мастей на лобном месте
Смешались с городскими музыкантами.
Бориска дирижировал оркестром –
Блистал доселе скрытыми талантами.

Ни лечь, ни встать – всеобщая нирвана.
Носились будто с дойною коровою –
Нектаром угощали из-под крана
Царя горы с отметиной лиловою.

* * *

Тропинки основательно запенены.
Потрескивают ветки от мороза.
Спит белочка. И до поры до времени
Наружу из дупла не кажет носа.

Мне, по большому счету, делать нечего –
Входная дверь открылась без Колумба.
До ветру выбираться без овечьего
Тулупа и ушанки – неразумно.

Реальность понуждает к созиданию –
Ржаного хлеба лишь на две понюшки.
Забулькало негромко растирание –
Чуть-чуть согрело страждущие души.

Коту под хвост хозяйкины обновки –
Улегшись нагло на ее колени,
Играет безо всякой подготовки
Роль белочки, которой все до фени.

РЕКЛАМА

«ДИАЛОГ» — ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

ТЕЛЕКОМПАНИЯ «ДИАЛОГ» СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ, КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ.

Мы делаем программы для ТВ, Интернет-ТВ, создавая галерею образов наших современников. Телекомпания «Диалог» — это разговор с обществом, государством, церковью, писателями и художниками, деятелями культуры и науки, мастерами всевозможных профессий… Это общение представителей самых различных слоев общества. Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

Коммерческий отдел нашей телекомпании принимает заявки на съемки фильмов по заказу.

Тел.: +7 (495) 971 79 25, факс: +7 (499) 152 28 04
адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

ВОЕННАЯ ЛИРИКА МИХАИЛА ЮДОВСКОГО

Эти стихи Михаила Юдовского, замечательного поэта, бывшего киевлянина, а ныне обитателя Германии, были написаны еще до начала событий 2014 года. Что выдает в авторе незаурядную чувствительность к тектоническим сдвигам своего времени. Помимо стихов, Михаил Юдовский пишет прекрасные рассказы («Воздушный шарик со свинцовым грузом», М., АСТ, 2013). А еще он профессиональный художник. И, как показывают его стихи, неплохой психолог.

Любимая, когда мы убивали,
Гордясь собой и родиной вдвойне,
Мы об убитых думали едва ли,
Поскольку на войне как на войне.
Опутаны едиными силками,
Мы даже не смотрели им в глаза,
Которые синели васильками,
Как будто отражая небеса.
Солдаты поневоле людоеды.
Нам было, если честно, все равно.
Поверь, что запах крови и победы
Пьянит куда сильнее, чем вино.
Мне в самом деле хочется напиться,
Просыпаться песком сквозь решето.
Любимая, я вовсе не убийца,
А – Бог свидетель – сам не знаю кто.
Я пустота. Я пушечное мясо.
Несомый стаей озверевший волк,
Которым движет страх, тупая масса,
Слепая верноподданность и долг.
Здесь нет дорог. Здесь правит бездорожье.
И сам от безысходности не свой,
Я все пойму, когда звенящей рожью
Меня укроет поле с головой.
Не жди меня. Уснет и не проснется
Моя душа, не размыкая век.
А если я вернусь, к тебе вернется
Чужой и незнакомый человек.
Я очерствел. Я высох, словно корка,
До мелкой пыли сердце раскрошив.
А, все-таки, любимая, мне горько –
За тех, кто умер, и за тех, кто жив.

Есть вещи, о которых лучше и проще промолчать. И только поэт, с его «обетом немолчания», говорит – часто невпопад и некстати. Вот и вещи, о которых рассказывает Михаил Юдовский, казалось бы, лучше скрыть, а, если и говорить о них – то, уж, конечно, не любимой женщине. Если вам удалось «проскочить» первую строчку стихотворения Михаила Юдовского – таким образом, чтобы «крыша» никуда не поехала, у вас есть шанс дочитать это замечательное стихотворение до конца. «Любимая, когда мы убивали…». Я всегда был сторонником краткости и емкости изложения, однако бывают сюжеты, требующие увертюры, вступления. Сюжеты, в которых лакуны – нежелательны. А здесь явно «вырван» целый кусок исповеди, проливающий свет на эмоциональное состояние лирического героя. В трезвом состоянии ни один нормальный человек не станет рассказывать любимой женщине об ужасах войны. Это уже какая-то запредельная – и потому никому не нужная степень искренности. А дальше… Михаил Юдовский настолько психологически верно рассказывает о так называемом «военном синдроме», что я, грешным делом, даже подумал было, что он пишет, исходя из собственного военного опыта. Во всяком случае, ничего подобного в стихах и песнях бывших «афганцев» и «чеченцев» я не встречал. Может быть, именно военной биографии автора и не хватает проницательному читателю, чтобы принять это сносящее крышу «любимая, когда мы убивали…». Афганский и вьетнамский синдромы, как явления, выразились в том, что солдатам было тяжело адаптироваться к мирной жизни. Причина? Во многом это связано с психическим состоянием человека. Когда процесс запущен, трудно бывает подняться.

Статистика выдает ужасную информацию: после войны погибает больше ее участников, чем, собственно, во время сражений. Бывшие воины спиваются, опускаются на дно, и нельзя судить обо всех по успешным ветеранам, по тем, кто занимается бизнесом или заседает в Думе. Ученые выяснили, что больше подвержены синдрому представители определенных военных профессий – «ликвидаторы», десант, спецназ. Те, кому довелось воевать напряженнее других.

Иногда человек, исчерпав заряд славы, внимания, полученный за участие в войне, потом не находит себя в мирной жизни, не понимает, что в ней тоже можно реализоваться, но – иначе. Это одна сторона медали. С другой стороны, многие на войне в состоянии аффекта убивали мирных жителей, и это преследует душу, мучит как ночной кошмар, терзает совесть.

Раньше люди не задумывались о своих действиях на войне. Враг – он и есть враг! Карфаген должен быть разрушен! И только новое время внесло в переживания воинов элементы «ненужной» психологии. Наверное, так бывало и раньше. В начале XX века французский писатель Селин написал роман «Путешествие на край ночи», в котором уже присутствует многое из того, что массово вошло в психологию последних локальных войн. И все-таки раньше это было не так заметно. Может быть, потому, что войны были более справедливыми и не нуждались в дополнительном оправдании. Возможно, дело и не в психологии вовсе, а в чисто русской «хлудовщине». Но почему же тогда военный синдром интернационален? Почему им болеют, скажем, американцы?

«Военный синдром» чем-то похож на Лохнесское чудовище: он существует, но поймать его не представляется возможным. Так или иначе, после войны умирает больше бывших солдат, чем на войне. Вот только роль войны в этом трудно поддается анализу. Априори считается, что именно военный опыт ускоряет уход огромного количества людей. Цифры подтверждают сказанное. В то же время, многие бывшие воины не умирают, а доживают до самой глубокой старости, выдерживая самый невероятный прессинг жизни и не ломаясь при этом. Так что теория синдрома верна ровно наполовину: часть людей ломается, а часть становится сильнее. Как у Ницше: «То, что не убивает нас, делает нас сильнее».

Михаил Юдовский «прокололся» на одной из сентенций, после которой для меня окончательно стало очевидно, что сам он нигде не воевал. «Мы даже не смотрели им в глаза». Тот, кто действительно воевал, так никогда не скажет. Впрочем, автору удалось создать метатекст, который, на мой взгляд, интересен именно в такой «непрофессиональной» подаче. Стихотворения о военном опыте – всегда «на тоненького», тут трудно быть точным и объективным. Может быть, потому военные стихи, как правило, и не идут далеко в философию. Обычно воевавшие пишут так: было трудно, но мы не теряли присутствия духа, держались боевого братства. Не воевавшие часто просто клеймят войну как событие, на котором постоянно гибнут люди. Стихотворение Михаила Юдовского, по моему мнению, – одно из немногих произведений на эту тему, которое зрит в самый корень проблемы. С той маленькой поправкой, что воевавший герой может обратиться с такими словами к любимой женщине разве что мысленно. Потому что вслух подобный монолог, пожалуй, возможен разве что на киноэкране. В боевике, где много крови и ненужных жертв. Но художественно – он вполне оправдан. Лирический герой Юдовского трагичен, он не может уйти от судьбы; его выбор страшен – между реальной смертью и медленно убивающей жизнью, отравленной синдромом войны. Михаил Юдовский в своих стихах – блестящий психолог. Ситуации, в которые попадают его герои, эмоционально точны. Скажу больше: он, подобно Высоцкому, заставляет своих героев попадать в экстремальные ситуации, потому что такие персонажи ему, как мыслителю, намного интересней. Душу человека не измерить в квазарах или пульсарах. Нет меры для души. Мы просто говорим: человек большого сердца. Стихи Михаила Юдовского отличаются от многих других большим градусом сопереживания своим героям. В стихах Михаила трудно обнаружить привычную слуху современного читателя игру слов. Зато жизнь в его стихах – настоящая. Даже если его лирический герой – из племени проигравших. Вот, к примеру, еще одно военное стихотворение Михаила Юдовского.

ПОЛКОВНИК

В субботний вечер в маленьком кафе
На невысокой деревянной лавке
Полковник артиллерии в отставке
Глотал коньяк, в кармане галифе
Раскрыв украдкой тощий кошелек
И мрачно пересчитывая деньги.
Он созерцал бетонные ступеньки,
Немытый пол и скучный потолок,
Испытывая приступы тоски,
Дробящие сознание, как сверла.
Недорогой коньяк царапал горло
И стягивал удавкою виски.
Существованье – повод для вражды.
По крайней мере, повод для запоя.
Наедине с фужером и с собою,
Он в прочих собеседниках нужды
Не чувствовал. Полковник, отчего
Ты сделался чужим и бесполезным,
И вещество объятием железным
Закупорило в панцирь существо?
Полковник, ты скучаешь по войне?
Вдали от смерти жизнь неполнокровна.
Деревья, превратившиеся в бревна,
Становятся бессмысленны вдвойне.
Не поменять ли в сердце часовых?
Не время ли с собою объясниться?
Как долго наважденьем будут сниться
Живые, хоронящие живых?
Полковник, ты тоскуешь по полям,
Где прорастают сквозь тела колосья
И раздается птиц многоголосье
С молитвой поминальной пополам?
Ты не вернулся ни с одной войны.
Пожертвовавший кровью вместе с потом,
Полковник, ты остался патриотом
Давно не существующей страны.
Не те места и времена не те,
И люди на бессмыслицу похожи.
Но если сердце пусто, отчего же
Такая тяжесть в этой пустоте?
По совести скажи: зачем в дыму
Сражений сохранил тебя Всевышний?
Не ты один на этом свете лишний –
Мы все на этом свете ни к чему.
Полковник, пей коньяк. Молчи. Скучай.
И спорь с самим собой, не зная твердо,
Что будет лучше – дать бармену в морду
Или оставить что-нибудь на чай.

Мы видим, насколько убедительнее звучат стихи не воевавшего человека, написанные не «от себя», а в третьем лице. Хотя, конечно, есть и исключения, вроде того же Высоцкого. Но тот был актером и снимался в военных фильмах. Мне очень не нравится в стихах фальшь. Если же поэт бесспорен в своей речи, пусть назовется хоть Папой Римским – лишь бы у читателя не возникал при этом синдром Станиславского «Не верю!». Юдовский, там, где он не точен в деталях, по причине отсутствия специфического жизненного опыта, сполна компенсирует этот недостаток точностью психологической. «Ты не вернулся ни с одной войны» – говорит поэт о своем лирическом герое. Чем больше войн в послужном списке бывалого человека, тем меньше у него шансов «вернуться», то есть вернуться к нормальной мирной жизни. В данном стихотворении Михаила Юдовского заметен литературный след Габриэля Гарсиа Маркеса, этого Хэмингуэя Латинской Америки. Мне кажется, что проблемы отставных военных заключаются вовсе не в отсутствии адреналина. В конце концов, есть ведь экстремальные виды спорта, где этого добра хватает. Но, согласитесь, воевать за родину – это еще и нравственное кредо патриота своей страны! Хотя, казалось бы, благие дела, в которых ты участвуешь, часто потом гримасничают тебе своей оборотной непривлекательной стороной.

Я не могу назвать данное стихотворение Михаила Юдовского безупречным. Оно немного затянуто; хорошие строки («не поменять ли в сердце часовых», «где прорастают свозь тела колосья») чередуются в нем с неудачными («и стягивал удавкою виски», «пожертвовавший кровью вместе с потом»). Но есть в этом стихотворении ценные наблюдения и «сердца горестные заметы». Например, вот это: «Полковник, ты остался патриотом давно не существующей страны». Юдовский сумел зацепить в стихотворении какие-то важные смыслы. В свое время американские ветераны Вьетнама пугали нас тем, что афганский военный синдром будет для нашей страны таким же тяжелым, как для них опыт Вьетнама. Но США после Вьетнамской войны не распались, в отличие от Советского Союза! Я думаю, что нашим ветеранам морально было намного тяжелее, чем американцам. Интернационализм сейчас ретрограден, он чреват решением собственных проблем за счет бывших республик распавшегося Союза, игнорируя их, как будто бы они не существуют. Но многие люди остаются именно патриотами Советского Союза – они просто уже не могут быть другими.

Меня еще поразила, как квинтэссенция стихотворения, вот эта строфа Михаила Юдовского:

По совести скажи: зачем в дыму
Сражений сохранил тебя Всевышний?
Не ты один на этом свете лишний –

Окончание на стр. 4

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Окончание. Начало на стр. 3

ВОЕННАЯ ЛИРИКА МИХАИЛА ЮДОВСКОГО

Мы все на этом свете ни к чему.

Если на войне человек остался жив, значит, для чего-то он еще предназначен «(Если звезды зажигают – значит, кому-нибудь это нужно»). Может быть, впереди еще одна война, в которой опыт этого человека окажется как нельзя кстати. А он – вот незадача – пьет беспробудно и не подозревает о своей будущей миссии. И конечно, нельзя не отметить, как Михаил Юдовский решает проблему «лишнего» человека в русском обществе, заявленную еще Онегиным, Печориным и Базаровым в начале XIX века. «Не горюй, полковник, мы все – лишние на этом свете, в контексте вечности». Смело! Пессимистично. И, не исключено, верно, по гамбургскому счету. И, в заключение, еще одно военное стихотворение Михаила Юдовского.

Он уходил из дома на войну,
Но он не верил в праведность войны
И не стремился к будущему бою.
И, может быть, любя свою страну,
Он за собой не чувствовал страны,
А видел только небо над собою.
И шли дожди, уныло морося,
Вращая мир вокруг своих осей.
И разгоняя мысли алкоголем,
Шутили и горланили друзья.
Но он не видел лиц своих друзей,
А видел птиц, летающих над полем.

И был огонь. И сузились круги.
Из гулкого смешения шагов,
Чернея, вырисовывались тени.
И где-то рядом падали враги.
Но он не видел лиц своих врагов,
А видел лишь ожившие мишени.
И был порыв. И радость в нем была.
И бешенство подталкивало в бой,
Как будто уравняв его с богами.
А после на глаза упала мгла.
Но он не видел смерти над собой,
А видел только землю под ногами.
Как всадник, покачнувшийся в седле,
Утратило пространство существо,
Прижав к нему лицо, от ран рябое.
И он лежал, один на всей земле,
Не слыша никого и ничего,
Но снова видя небо над собою.

Александр КАРПЕНКО

ОТКЛИКИ ПОЭТОГРАДА

ПОСТОЯННАЯ ВСЕХ ПЕРЕМЕННЫХ

(ЗАМЕТКИ О КНИГЕ СТИХОВ СЕРГЕЯ ШЕСТАКОВА «ДРУГИЕ ЛАНДШАФТЫ». М.: «ATELIER VENTURA», 2015)

ты о том, что однажды такие страницы
перелистывать будет ликующий бог...

Про настоящего Шестакова трудно написать. Но про ощущения от его стихов – не возбраняется же? То есть ходить с ним по его строчкам и все это вкушать, вымаливать и слушать, и произносить... Это не просто очередная книга стихов. Это прогулка по Шестакову сегодняшнему.

ладони прозрачны, зрачки, что две бездны, черны
вода голубее, синица желтее над вербой,
и небо такое, как будто мы все прощены
до первой печали, до утренней горечи первой...

Мы просто сидим на лавочке в июньском Летнем Саду, ожидая грядущего грома. И он наступает. Позже намного, но каждому – свой. Приятно, когда знаешь, что он настоящий и от того, кого любишь. По-настоящему.

пирс после шторма, лодка, рыбак и сеть,
петер, привет, – говорю ему, чище смерть...

В особой шестаковской просодии угадывается желание превозмогать буквы. Оно захлестывает, почти мешая дыханию вырваться вон. Как его 34-я буква Смерть. В прежних измерениях. Или в нынешних. Или в будущих.

Вот и мы сидим на лавочке в Летнем Саду, ожидаем погрома. Принимаем погром ничтоже сумняшеся какой-то виртуальной ерундой. И читаем:

буквы такие маленькие, а жизнь такая большая.

Надо многое потерять, чтобы написать о безумных бекарах, просто вот так:

горят окрест

Долго слушая и читая настоящего поэта, привыкаешь к его манере произносить вслух или выделывать это на дисплее/бумаге, а если удастся – в хорошей книге.

Вроде этой – «Другие ландшафты», М.:«atelier ventura», 2015.

Шестаков – наблюдатель прекрасно отчаянных жизней. Потому они не застревают междометиями.

как зрачки небесная известь ест

У него мелодики и правильных размеров – на троих. Но он забывает запятые – ставьте сами, где угодно, вам же не трудно. Когда читаешь Серёжины стихи, иногда нужен дождь за окном, иногда анаприлин под язык, а иногда – просто огромное необъятное чувство любви.

мы жили здесь, что фауна и флора

А мы-то в это время продолжаем сидеть на лавочке в прекрасном саду. И после – еще где-то в великолепном городе на болотах. Курим, ругаемся матом, почти как поэты. Наливаем по булькам... Друг друга узнаем и начинаем читать по губам...

Вроде у каждого полно своих географий, ан нет – хочется узнать о других. Цюрих, Венеция, Париж, Рим, Флоренция, далее везде...

Но ведь поэт подразумевает иначе –

это с твоих горячих слетают губ
сирины, алконосты, скворцы, щеглы...

Он знает языки, умеет на них говорить, даже с теми, кого мы пока не поняли, а так же с теми, кого никогда не увидим. Каждый из вас говорит с Овидием или Катуллом о бренных вещах и вечных событиях? Да, собственно, почти каждый. Так же непричесанно, как и они о нас писали когда-то. Время для математика – инструмент, а Шестаков этим ремеслом владеет профессионально. Впрочем, не только этим.

Мастер изумительных «Календарей», Сергей постоянно напоминает о времени происшедшего, просто так, не напрягая:

в честь святого варфоломея

или так:

и пирог с антоновкой на столе

А мы все сидим в Летнем Саду и ждем, пока раздадут награды лауреатам конкурса имени Гумилёва. 10 лет назад. Нога на ногу, руки в карманах. Полбутылки – в голове, остальное – друзьям. На самом деле, не надо никаких наград никому. Лучше запнуться о нечто вот такое навсегда:

заглядевшись, как воздушный беринг
расправляет в небе млечный трап

Не бывает повествовательности в том, что ждет каждого. Есть лишь один императив – быть/стать. Кажется «Другие ландшафты» Сергея Шестакова – именно об этом.

и ты увидишь зеркало в ответ,
и чей-то дом, и муки родовые,
и воссияет невозбранный свет,
и все опять начнется, как впервые

Александр ПАВЛОВ

ГАЙД-ПАРК ПОЭТОГРАДА

ПОЛИНА СКЛЯДНЕВА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОЭЗИЮ

Полина Скляднева – невероятная удача журнала «Дети Ра». В каждом номере она пишет статьи (рецензии) об известных авторах.

Я считаю, что она – выдающийся литературный критик.

Эта юная девушка, выпускница филфака МГУ, открыв свои большие красивые глаза, закричала: «А короли-то голые! Мы живем в королевстве кривых зеркал!»

Полина вдруг обнаружила, что за поэзию литературное сообщество принимает рифмованный рассказ.

Вот она точно пишет о стихах популярного Дмитрия Быкова в № 2, 2016, «Детей Ра»: «Стихи – форма доступная. И, кажется, доступность формы победила всякие возрожденческие понятия об искусстве. Забота о звуке, слове, образе? В этом нет никакой необходимости. Довольно обратиться к классическим (читай: "архаичным") приемам и изложить (всегда сюжетно) в популярной форме взгляды, мнения или сиюминутные переживания».

Все – правда. Подписываюсь под каждым словом. Но дело – не в талантливом живом классике Быкове, у которого множество дарований, а во всех нас, незадачливых стихотворцах, рифмующих свои нехитрые мысли. Поэзия – все-таки какая-то иная материя. Не рассказ, не очерк, не дневник, не газетная передовица, пусть даже мастерски и с юмором зарифмованная.

Мы живем в очень забавное время, когда можно получить разнообразные премии, напечатать любое количество книг, стать участником и лауреатом всевозможных фестивалей, удостоиться лестных статей в литературных СМИ и т. д. Но по-прежнему, как во все времена, не просто написать хорошее стихотворение, хотя бы одно, настоящее.

Я познакомился с Полиной после того, как она прислала разгромную статью о моей стихотворной книге «Аэропорт». Я напечатал эту замечательную статью, которая открыла мне на многое глаза. Я понял, что 50 лет шел не туда. Это не значит, что я сейчас иду в правильном направлении. Но я радостно пригласил Полину к сотрудничеству.

Мало кто понимает, что критик – союзник поэта (прозаика), что ругаем мы тех, кто еще имеет шанс что-то понять.

А самовлюбленных «гениев» критиковать не надо. Это дело пустое.

Евгений СТЕПАНОВ,
главный редактор журнала поэзии «Дети Ра»

ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ
СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ВСПЫШКИ В ДОЛГОМ ТУМАНЕ

Память, как бы ни был сон твой крепок,
смотришь в лица — мучает вопрос,
что уже встречал подобный слепок
глиняного смеха и волос.

По глазам читая личный эпос,
под прицелом встречного неся
хрупкую мелодию и ребус
глобуса, а проще, все и вся,

видишь океан живых событий
и времен, какими осенен,
ты, идущий в бездну по орбите
страхов и мерцающих имен,

забываешь гаснущие луны
лиц и солнце ядерной войны:
отчего стары они и юны,
отчего красивы и страшны —

не пытайся вспомнить. Ты бессилен
против человеческих наук,
где само наличие извилин —
это сумасшествие, мой друг.

ПОРА ОДРЯХЛЕВШЕЙ КОРЫ

В осеннюю эру, когда, утешаясь утратой
находчивой жизни, следишь — облетает листва
с тебя словно с дуба, и нимбом мерцает крылатый
в загоне туннеля, планеты касаясь едва,

тогда понимаешь, что некуда больше и нечем
и незачем биться, и что во спасенье мудрей
не мучиться адом, который тебе обеспечен
в родном лукоморье, у выхода райских дверей,

а просто смотреть, как по небу плывут белым фронтом
из сахарной ваты и чувствовать дикость травы,
и слышать детей, вырастающих за горизонтом
навстречу пути твоему и на смену, увы.

В минутных потоках, чей выбор хронически труден,
впадающих в годы, по долгой земле — все скорей
проходят металлы, деревья, сомнения, люди,
как мутная пена по зеркалу страшных морей.

Что станет заменой печальному пшику кого-то
от прошлого счастья, с которым он совесть терял,
когда, тишиною и смертью разъятый на ноты,
он все-таки длится и ценится как матерьял.

Священная горечь погаснувших воспоминаний
невидимым смехом и плачем вольется сполна
в суставы попыток, в рассвет закипающей рани,
в молекулы звука и призраков детского сна.

А впрочем, стихия судьбы иногда прихотлива,
капризна, как будто на быстром огне молоко:
в сезон отправленья, когда устаешь ждать прилива,
не думай о вечном и радуйся, что далеко.

* * *

При помощи глотки и нищей гармони
средь свадебных дел и непрух
мужик-музыкант и бедняга в законе
ласкает общественный слух.

В горошек рубашка, меха нараспашку,
беззубо расклеенный рот,
и прямо к подножью в побитую чашку
прохожий ему подает.

И нет ничего в нем такого, как вроде,
поющем на тему одну,
но этим же самым в снующем народе
задевшем живую струну,

хоть знают, по взглядам сочувственным судя,
о том, что он густ и непрост,
бездомные звери, бывалые люди
и птицы с насиженных гнезд.

Про розы, весну и приморские скалы
он хрипло заводит тоску,
что тонет у берега челн запоздалый
и чьи-то следы — по песку,

а в общем-то, остров судьбы, где хоть тресни
и спасшихся как ни зови,
но все в одиночестве слушаешь песни
о времени и о любви.

Здесь нет ничего, что б роднило со смыслом,
и память о прошлом плоха,
а только лишь пальцы по клавишам быстрым
и рвущие душу меха.

* * *

В гул пчелиных будней отпуская
праздничные сны,
пусть твердит свое судьба людская
языком волны,

я не сокрушаюсь, коль душою,
что едва стара,
не сплетусь с резиновой большою
гидрою добра.

Рыжая толпа, чьи силы вздуты,
правду теребя,
кто бы сомневался, что вину ты
примешь на себя,

что в тебя, чьи головы — солдаты,
а объятья — льва,
я упрусь тогда, когда слепа ты
и всегда права.

В марте, если выйдешь за границы
дома, где прожил,
чуешь, как по небу плещут птицы
и дрожанье жил,
сходишься со светом, как с рекою,
и течешь вполне
ласково и плавно, далеко и
глубоко на дне.

Но и здесь, сплавляя должность рыбью,
сквозь года и льды
остаешься рябью или зыбью
в зеркале воды,

если океаны, реки, лужи
человечьих глаз
с каждым днем все жертвенней и хуже
забывают нас.

ЧЕРНОВИК

Если не стыдно уже давно
переплавляться в речь,
что заставляет трезветь вино
или глаза — потечь,

осенью, как заведется свист,
ветром в лицо грубя,
на белоснежно-чужой лист
выдохнешь сам себя.

Будет исхожен он вкривь и вкось,
вдоволь и поперек;
много, бедняге, ему пришлось
вынести слов и строк.

Словно измятая простыня,
где полюбил с лихвой,
ритмом о самом больном бубня,
станет он сразу свой,

ибо в листке этом, как в слуге,
знающем твой каприз,
весь ты — от ссадины на ноге
до херувимских риз.

Помнит он правду твою, мой друг,
хоть откровенным днем
и не сказал ты всего, но круг
мыслей твоих на нем,

и потому его смятый вид
более нам знаком,
более ценен и духовит
рядом с чистовиком.

МОЛОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Грудь, уставшая быть кормящей,
прикоснувшись к какой, скорей
обожжется хозяин, мнящий
перманентность своих угрей,

чем почувствует мать. Да где там —
помнить сыну, как день непрост
и что сам он был вскормлен светом
из родительских млечных звезд?

Ведь в тропическое бесчестье
он забьется по рукоять,
чтоб наполниться кровной жестью
и на горнем ветру стоять.

Разве можно любить по-детски,
если слава его пока —
как убийцы извилин грецких
и адамова кадыка,

хоть и он опустеет, силясь
слиться в женскую эту тьму,
из которой однажды вылез
и куда уж пора ему.

БЕЗДНА ЗА ГОРИЗОНТОМ РОДИНЫ

Боязливый край, где тяни-давай
из земли, которую дождь мусолит,
я вкусил твой солнечный каравай
родовой мякины и грубой соли.

Выходил народ из густых широт,
предлагал наместнику с ликом мутным
распальцовку, труд свой и гулкий рот,
умирая в ночь и рождаясь утром.

Он не то чтоб спорил с лихой судьбой,
по грязи простуженной сея семя,
а стоглаво горбился сам собой,
продолжая жизнь и седое время,

и крестились серые трудодни,
желто-красный обморок красил лето,
и в груди тревожилось от возни,
провожавшей в прошлую тьму все это.

И как колос спела моя любовь
к рядовым полям и зубастым кущам,
где от зверских свар и людских ветров
приходилось круто еще живущим.

Это был распаханный каракум,
а точней, край света, где смерть встречала,
за каким кончался последний ум
и звезда на небе брала начало.

ПРИРУЧЕНИЕ АНГЕЛА

Ангела неимущего
в туловище своем,
по существу, живущего
наедине-вдвоем

Окончание на стр. 6

Окончание. Начало на стр. 5

ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ
СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

вместе с душою тряскою,
не отлучай от зла
и из себя вытаскивай
за уши и крыла.

Пусть он глазами, полными
туч, оглядит окрест
поле с холмами-волнами
и раздраженность мест,

где города пускаются
буднями вширь и в рост,
а по ночам взрываются
на легионы звезд.

Ну а тому, чье имя я
не призову, не в новь —
медленная алхимия,
мясо, скелет и кровь,

камень, металл и дерево,
гипсокартон, стекло,
бездна, в какую вперивал
взгляд и свое крыло.

Правда, какую впаривал
в мирные города,
предвосхищая зарево
ядерного суда,

тот, чьи дела и хлопоты —
красный людской помол,
с ласковым хриплым шепотом
на ухо: «Kill 'em all».

ВДАЛЬ УВОДЯЩИЕ ПРОВОДА

Часто видел я поезда
с уезжающими в окне,
отбывавшими не туда,
где привычно бы было мне,

а куда-то в тмутаракань
и за тридевять адресов,
где встречали земную рань
с расхождением в пять часов.

Но и в тихом своем дому
мне казалось, что я не смел,
что чего-то я не пойму,
раз однажды в вагон не сел,

что теперь уж не обессудь,
если в грохоте поездов —
нечто большее, чем сам путь
между точками городов,

нечто большее, чем звезда
в дребезжащем куске стекла,
та, которая навсегда
за собою тебя звала
и мигала средь пустоты,
где дороги и неба смесь,
по которой блуждаешь ты,
оставаясь то там, то здесь.

ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Эти «ов», «ин» и «ан», эти «ер», эти «ий»,
позывные концы от ехидных фамилий,
сколько жарких историй, кликух и стихий
родословную славу твою накормили.

Продолжатели семени, мнений и вер,
обрубатели веток семейного дуба,
за столетнею далью всегда будет сер
главный ствол, на планету опершийся грубо.

В комбинациях букв обновленных имен —
старый хрыч пыльных отчеств, линяющий скоро,
в виде редкого предка, что был столь умен,
но с клеймом «by default» по причине повтора.

Кем ты назван, как жил, ненавидя-любя,
не узнают за множеством судеб и планов,
а узнают — забьют — на тебя иль тебя,
милый друг мой Адольф Моисеич Иванов.

ACHETA DOMESTICUS

За гармонью платного отопления,
безвозмездно делая выступления,
в анонимной тьме, сторонясь всего,
жил сверчок и струнная трель его.

В дом едва вступая, вставал на входе я —
раздавалась с места его рапсодия,
стрекотала плеском в речной струе
о сверчковом быте-ныбытие.

Развивая мысль, что квартира проклята,
выясняя жадно источник стрекота,
как ни шарил всюду я день-деньской,
не найдя мерзавца, махал рукой.

А потом привык, заболев занятием
говорильни с ним по своим понятиям
о мирах и людях миров внутри,
и в ответ трещал он одно: «Не ври!»

Но когда прорвало трубу горячую
и взломали пол, пусть совсем не плачу я,
вспоминая, как отвращенья дрожь
испытал, увидев его, то все ж,

кипятком ошпарен и свежим тлением,
удивлял он тем, что прославлен пением,
хоть и был уродливый рыжий зверь,
в чьей трещотке нету огня теперь.

НА РЕЧНОЙ ЗАРЕ

На речной заре по выпуклую лодыжку
забредя в траву, замечаешь верней всего:
человек живет, чтоб выловить рыбу-вспышку
из безумной Леты, текущей внутри него.

У крещенских вод попутного окоема
разбираешь снасти, и, вроде, крючки востры,
и припух карман, в котором ключи от дома,
и в дали растерянной — призрачные костры.

В безмятежной дымке зелень и синь Эдема —
только птица шлепнется в необжитую тишь,
где прилично зверю и первобытно немо,
где людей прощаешь ты и ни о чем молчишь.

Пусть порою в сердце тихо кольнет зазноба,
не любовь червовая, а лишь погода-страсть
задыхаться счастьем, чуять и видеть в оба
и шагами в роще природную веру красть,

ты плеснешь свинчаткой в омут неторопливый
и отыщешь чудище с жабрами и хвостом,
и деревья-своды, молча даваясь диву,
мозговыми кронами будут звенеть о том.

Чешуя-кольчуга станет скользить, жестоко
плавники вопьются, что и не спросишь, где,
по каким краям таращило злое око
существо земное, живущее на воде,

лишь услышишь голос совести-антипода,
чей укор — игла, и попробуй ей не поверь,
и утопишь в бездне жидкого небосвода
сиротливое чудо-юдище рыбу-зверь.

РЕПЕТИЦИЯ ЛЕТА

Бывает порой ледяной —
термометр вдруг обнулится,
и воздух запахнет весной,
свалившейся с неба как птица.

Возьмется клепсидра-капель
отсчитывать ночи и рифмы,
и ты не поверишь теперь
в январские снежные цифры.

Повалит подвальный народ
котов на любовь и на славу
и воздух согретый порвет
вечерним трагическим «мяу».

Потянутся люди, на треть
топясь в сероватую слякоть,
о будущем перетереть
и просто о прошлом поплакать.

Увидишь ты остров тепла,
где жаркие страсти в лазури,
куда твой корабль занесла
жестокая зимняя буря,

и станет намного ясней
твое представленье о высшем,
возможном на несколько дней,
но все-таки не посетившем.

ШУМ УМИРАЮЩЕЙ ВОЛНЫ

Иногда по традиции доброй со злобой тупою
аргументы и люди, сливаясь в колючий поток,
заручившись оружьем, «ура» произносят толпою
и старательно тянут последний невидимый слог.

В окопавшихся склепах, полях и на улицах дымных
им внимает противник, который по слухам знаком,
размышляющий, как и они, и слагающий гимны
о просторах, царях, божествах, но другим языком.

Оба станут сверкать и греметь, и расскажут войну вам,
и растают на солнце, от крови и спора красны,
кто из них перманентный архангел с карающим клювом,
кто дежурный антихрист на стреме насущной вины.

А потом возродятся и станут заделывать раны
двухметровых окопов бальзамом простившей земли;
будут гулкие речи, как площадь на праздник, пространны,
о величии смерти, развеянной ветром вдали.

И склоняя на злые лады до случайных нелепиц,
ты почувствуешь соль на губах и кипящий прибой,
«человек», «человечество», «чел» и «чувак-человечец»
именуя стихию, живущую рядом с тобой.

ОСТРОВ ЯБЛОНЬ

...И я был там,
где яблоневый сад и край дороги
и тут же по соседству прилагалась
растянутая желтая домина,
облупленная, с клетками балконов
и окнами, откуда доносились
долбежка, ругань, музыка и крики,
свидетельствуя всякому пришельцу,
что все путем и есть на Марсе жизнь.
Заметим походя, весь этот сад
уж был не тот, растративши все листья,
сухие ветви, дикие плоды:
ноябрь вступил в права, холодный дождик
с вечерних серых туч стучался в землю,
кащеи голых выцветших деревьев
хранили про себя свое тепло.
Дыханье обращая в тихий пар,
я мимо шел и в мыслях сокрушался
о том, что вот, мол, сад зачах и вымер,
хотя еще недавно было лето,
он цвел, ронял свой снег и, наливаясь
плодовой круглой зеленью, клонился
под весом дикой свежести к земле.
В тенях его устраивали кошки
бои, концерты, игрища и случки;
прохожие куда-то шли с работы,
как будто бы на праздник; в тесных кущах
о чем-то не о том шептались птицы,
предсказывая звезды в небесах;
шальных детей гуляющие стаи,
придя сюда, со смехом рвали ветви,
взбирались на деревья, голосили,
трясли густые яблони, жевали
кислятину, наморщив чуткий нос;
нагрянувшие пьяницы со взглядом
настойчивым главу клонили долу,
прописываясь на ночь средь деревьев,
струясь на благодарную природу,
ложась в траву и сладко видя сны.
И солнце... Солнце утром так горело,
даря благословенным юным светом,
что жизнь казалась сказкою, в которой
нет холода и осени с дождем.

АЛЬБЕРТ БАБАЕВ
СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ
(БЫЛЬ)

У меня есть друг Владимир, скажу вам, большой любитель до охоты. Сейчас он проживает с семьей заграницей, а тогда он часто ходил на кабанов в компании местных охотников-любителей и не безрезультатно.

«Пойдем со мной на заседу, – часто предлагал мне он. – Посидим в засаде на кабана. Это так здорово!»

Однако я всегда отказывался от такого предложения, поскольку еще не ведал всей тонкости охоты. Но однажды ему все-таки удалось уговорить меня сходить с ним в лес. К охоте он готовился основательно. На этот раз он тоже не оплошал: набрал продуктов питания, сложил в рюкзак свитера, куртки, резиновые сапоги и пачку соли.

– А это зачем тебе? – удивился я.

– Так для заседы же, – ответил он.

– Объясни мне, наконец, что за заседа и с чем это едят? – не выдержал я.

– О-о-о! – загадочно протянул приятель. – Не спеши. В лесу все и узнаешь.

– А мне ружье? Не стрелять же нам из одной двустволки одновременно?

У него в лесу на всякий случай было припрятано одноствольное незарегистрированное охотничье ружье, о существовании которого я и не догадывался.

– Вот приедем в лес, будет тебе белка, как говорится, будет и свисток.

Ближе к вечеру мы погрузили вещи и продукты питания в машину и отправились в путь. Благо ехать было не очень-то далеко, и часа через полтора приехали в нужное нам село. Машину оставили у его знакомых, взвалили за спину ружье и рюкзак и подались в лес.

В лесу царила атмосфера удушливая, густая, насыщенная запахами мха и гниющих листьев. Вокруг летал рой назойливой мошкары. Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, скользили по стволам деревьев и ложились на мшистую землю.

Миновав опушку, мы оказались на грунтовой дороге, которая отлого спускалась вниз по бугру и уходила в поле, сливаясь с горизонтом. Высоко в небе был виден только ленивый полет птиц, да дрожание воздуха, какое бывает в жаркие летние дни.

Едва солнце закатилось за горизонт и землю окутала мгла, как природа вздохнула широкой грудью, поднялась веселая трескотня, какой не бывает днем: порывистое посвистыванье, стрекотание, гиканье – и все это смешивалось в непрерывный, монотонный гул. Под эту однообразную благозвучную последовательность звуков, хорошо было вспоминать и даже грустить.

Уже стемнело. На землю опустился вечерний сумрак. Лес выглядел угрюмо и сумрачно. Кругом было тихо и таинственно. Такая обстановка наводила меня на всякие размышления.

– Скоро прибудем на место, – сказал Владимир, уловив мои не очень-то радужные мысли.

И действительно, минут через двадцать хождения по бурелому и колючим кустарникам мы остановились возле какого-то лесного завала. Владимир достал из рюкзака припасенную нами пачку соли и небольшими порциями стал раскладывать ее под бревна. Затем вытащил пакет с пищевыми отходами и раскидал по площадке.

Я в недоумении смотрел на действия приятеля. Предвидя мой вопрос по этому поводу, он сказал:

– Видишь ли, это место и есть засада. Отходами мы кабанов прикармливаем. А соль любят все звери, особенно лоси. Поэтому охотники всегда носят ее с собой.

Затем он вытащил из тайника одностволку, зарядил ее и передал мне. Оттуда же он извлек и кусок брезента.

Покончив с делами, Владимир подтащил рюкзак к огромной ели и расстелил на земле брезент. Затем надел свитер, куртку и велел сделать то же самое и мне. К тому времени в лесу стояла уже глухая ночь.

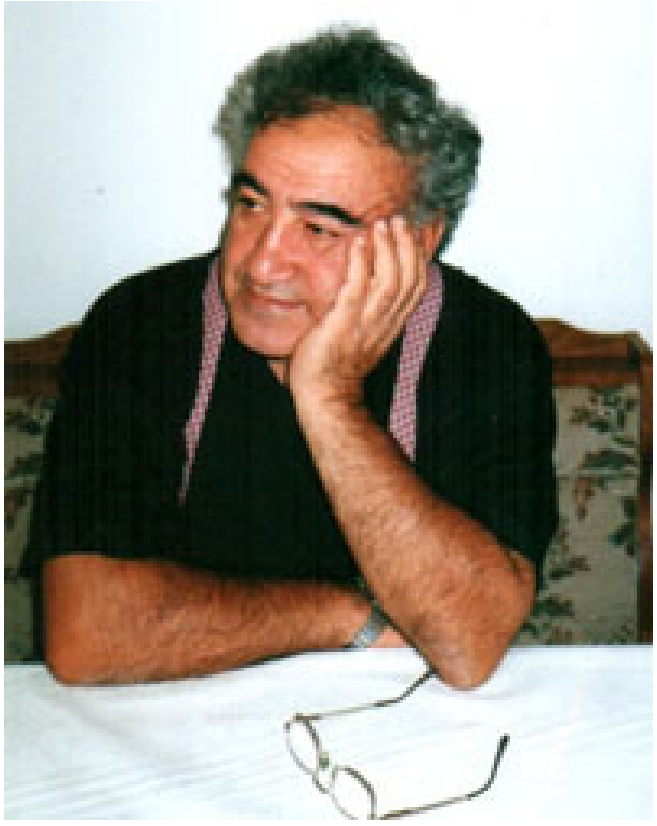
Разложив небольшой костер, мы решили подкрепиться перед предстоящей охотой.

Плотно поужинав, а нашему хорошему аппетиту способствовало выпитое спиртное из Володиной фляжки, припрятанной им про запас вместе с ружьем и брезентом, мы слегка расслабились.

– Давай малость отдохнем, посмотрим на звездное небо, послушаем лесную музыку, – предложил мне приятель и завалился на спину со словами: «Сейчас нам все равно ловить нечего. Звери придут часа через два, не раньше».

Сказал и повернулся на бок. Я, разумеется, старался не мешать ему, не лез к нему с вопросами, только лишь последовал его примеру, тоже лег на спину и стал вглядываться в ночное небо.

Яркая луна величаво смотрела на меня золотым оком, посылая на землю свой мягкий и нежный свет. Она то пряталась в облаках, то вновь выглядывала из-за них, будто играла с ними в прятки. А шатер небесный ярко светил надо мной и



мигал мне тысячами глаз. Легкий же ветерок шуршал над верхушками деревьев, и ночные обитатели леса дополняли эту гармонию звуков, усыпляюще действуя на меня.

Проснулся я, дрожа от холода. Из-за крон деревьев уже выглядывал не мягкий свет луны, а играли яркие лучи солнца.

Спросонок я не мог понять, где я и что со мной происходит. А когда проснулся окончательно, то смеялся без удержу. От возникшего шума проснулся и Владимир. Тараща глаза, он не мог сообразить, что же происходит вокруг, но потом виновато улыбнулся и сказал:

– Прости, дружище! Какую охоту мы с тобой проспали, а?!

– Это уж точно, – согласился с ним я. И, пытаясь найти ему утешение, добавил: – Зато выспались в лесу, на чистом воздухе. Скажи кому – не поверит.

– Все потому, что мы лишку хватили, – искал себе оправдание Владимир.

Вскоре стали мы собираться в обратную дорогу. Проходя по поселку, я пошутил:

– Может, пару сельских гусей подстрелим? Негоже возвращаться домой с пустыми руками. Не поверят!

– Моя благоверная поверит. А для тебя я гарант.

И мы оба прыснули со смеху…

Собрались мы как-то у него дома за праздничным столом лет эдак десять тому назад. На стене у него, на самом видном месте, висела репродукция картины Василия Перова «Охотники на привале». Глядя на пожилого охотника, изображенного на картине и рассказывающего небылицы молодому товарищу, я с некоторым безразличием заметил:

– Похоже, мастак он рассказывать байки. Охотники и рыбаки, пожалуй, все такие.

– Ан, нет! – не согласился со мной приятель. – Пожалуй, брехуны, да не все!

Тут супруга Владимира, что-то вспомнив, попросила его:

– А ты расскажи всем о своем забавном случае на охоте…

Сначала Владимир долго упирался, не желая говорить об этом, но потом, под давлением присутствующих, согласился.

– Может, кто-нибудь и примет мое повествование за байку, однако это чистая правда, – начал приятель свой рассказ. – Дело было в Сибири лет пять тому назад. Я только женился и вместе с семьей жил в небольшом сибирском поселке. А места у нас – непроходимая тайга. Тогда я был молод и большой, скажу вам, любитель поохотиться. Я часто, в свободное от работы и домашних забот время, ходил на охоту на кабанов, зайцев, куропаток, бывало, и на лисиц.

Тут рассказчик замолчал, призадумался. Видимо, воспоминание прошлых лет давалось ему с трудом, а, возможно, и вовсе не желал вспоминать об этом, но, глядя на нас, заинтригованных его рассказом, улыбнулся, сделал глоток вина и продолжил:

– В тот день жена приготовила мне завтрак из жареных грибов и мясных консервов. Позавтракав, я закинул ружье за спину, прикрепил флягу с водой и патронташ к поясу и отправился в лес. Сначала я шел по знакомым мне местам в приподнятом настроении. Шел, углубляясь все дальше в лес. Погода была пасмурная, ветреная. Ветер приводил в движение листву на кронах деревьев и кустарниках, от чего в лесу было шумно. Продолжая пребывать в прекрасном расположении духа, я вдруг почувствовал тошноту, потом ее сменила боль в животе, и меня неудержимо потянуло, прошу извинить за подробности, к отправлению естественной надобности. Расстройство желудка – тут ничего не попишешь. Я быстро скинул с себя снаряжение, затем штаны и со скоростью звука забегал в поиске места, чтобы оправиться. Залез на какое-то бревно – тут уже не до жиру – и… Мне показалось, что из меня вытекло все вместе с моими внутренностями. Наконец наступило облегчение, и я попытался размять, затекшие было ноги. Я уже готов был подняться с корточек, как что-то больно вцепилось в меня. От неожиданности и боли я чуть было не свалился с бревна. Продолжая сидеть в том же положении, я увидел между ног что-то темное, лохматое, что окончательно ввергло меня в шок. Похожее на лохматую доисторическую гусеницу, оно терлось о мое тело, впивалось в него когтями и тем самым причиняю мне нестерпимую боль. Я инстинктивно обернулся и посмотрел назад. То, что довелось мне увидеть, окончательно сбило меня с толку. Совсем маленький медвежонок куражился надо мной. Играя моими гениталиями, он то хватал их когтями, то впивался в них зубами, урча при этом от удовольствия.

– Ах, негодник! – завопил я, корчась от боли. – Сейчас получишь у меня!

Я тут же решил соскочить с бревна и задать трепку этому инквизитору, но вовремя спохватился. Метрах в десяти от себя я увидел огромную медведицу. Она стояла, прислонившись к сосне, и терлась спиной о дерево. По всему ее виду было видно, что она настроена миролюбиво. Медведица зорко следила за шалостями своего чада, стараясь не мешать ему. А тот шаловливо прыгал за моей спиной, как мяч, кувыркался и каждый раз хватался за мои висюльки, что доставляло ему несказанную радость, а мне невыносимые муки.

Мои мучения длились минут десять-пятнадцать и казались мне целой вечностью. Даже в застенках гестапо фашистской Германии не применяли таких изощренных пыток. Мои ноги окончательно затекли. Вместе с ними онемело и все тело. От испытываемого дискомфорта кружилась голова. Я искал спасительный выход из создавшегося положения и готов был рвануть с места. Но куда там!.. Со спущенными штанами далеко не убежишь. Да и сама мамаша-медведица сочла бы мой поступок совершенно некорректным по отношению к ее малышу, лишив его редкой, на ее взгляд, забавы – игры с моими причиндалами. Мне оставалось только лишь уповать на помощь Всевышнего.

– О, Боже! Помоги мне избавиться от этого лохматого монстра и его мамаши! – просил я у Господа.

– Ну и как? Услышал тебя Господь? – с некоторой иронией поинтересовались мы.

– Услышал и помог, – был ответ.

Владимир замолчал, задумался. Похоже, искал нужных слов для корректного изложения своих мыслей, и продолжил:

От постоянного страха живот мой снова взбунтовался и вместе с медвежонком продолжил меня мучить. К тому времени газообразование в нем приняло угрожающий характер. И когда медвежонок в очередной раз дернул меня за гениталии, я, против воли, выдал ему громоподобное газовое выделение со специфическим запахом, далеким от аромата французских духов «Фиджи» или «Шалимаре».

На какое-то время наступила полная тишина. Я набрался смелости и оглянулся назад. К великой радости за моей спиной никого уже не оказалось – ни медвежонка и ни его мамаши. Я пригляделся к местности и увидел, как в лесной заросли скрылись два крупа: медведицы и ее озорного сынка.

Владимир вновь умолк, добродушно глянул на нас и в заключение сказал:

– Каково, а? Возможно, мой рассказ покажется вам байкой, однако случай этот имел место в моей жизни. И, на мой взгляд, по своей уникальности, он имеет право на существование в самой Книге рекордов Гиннеса. Ведь не с каждым такое случается?!

Не согласиться с Владимиром было трудно. И все мы дружно рассмеялись.

Геленджик,
сентябрь 2014 г.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

109190 г. Москва, ул. Любянская, д. 47, стр. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 4 6 0 2 3 0 9

Начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве В.В.Дикопов

Учетный N 9 7 7 1 2 0 1 0 5 1 1 3

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

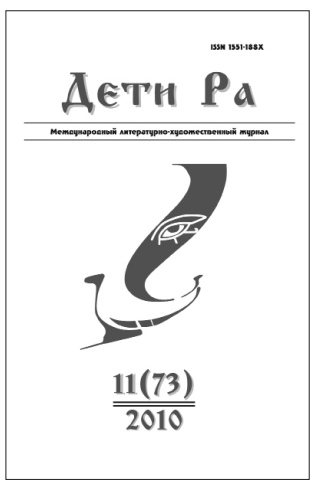
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Владимир Новиков, Виктор Соснора, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru, http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Анна Баринова
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)